Город засыпает

Автор:
Наталья Обухова

Город засыпает

Елена Александровна Обухова

Наталья Васильевна Тимошенко

Нормальное аномальное #9

Классический детектив с легким налетом мистики. Владимир Дементьев из тех следователей, которым важно получить ответы на все вопросы, даже если эти ответы лежат за гранью привычного восприятия мира. Когда его приглашают на чтение завещания одной из жертв серийного убийцы, он даже не предполагает, что окажется втянутым в смертельную партию игры, где каждую ночь Мафия убивает Честных Жителей, а днем Жители линчуют предполагаемую Мафию. Повинуются ли игроки воле проклятой колоды или кто-то просто разыгрывает спектакль? Названному Комиссару приходится искать не только убийц, которым достались черные карты, но и того, кто все затеял, – таинственного Ведущего.

Роман «Город засыпает» входит в серию «Нормальное аномальное», но является в ней полностью самостоятельной историей, стоящей в стороне от основного цикла.

Лена Обухова, Наталья Тимошенко

Город засыпает

Пролог

Март 2013 года

Блестящий черный KIA Sorento чуть притормозил у арки, намереваясь нырнуть во двор, но в последний момент водитель почему-то передумал. Вместо этого он проехал еще несколько метров, до следующего дома, и припарковался у тротуара за маленьким жизнерадостно-желтым Матизом.

– Давай я хотя бы провожу тебя, если не хочешь, чтобы я въезжал во двор, – предложил сидевший за рулем мужчина своей спутнице.

Та, внимательно осмотрев себя в зеркало пудреницы и убедившись, что все в порядке, только отмахнулась.

– Тут идти меньше ста метров, я каждый день так хожу. Поверь, появляться во дворе с провожатым для меня сейчас гораздо опаснее.

Она улыбнулась и наклонилась к нему, чтобы едва ощутимо коснуться его губ. Развивать события она не планировала, поэтому сразу отстранилась. Мужчина тоже не был настроен на новый виток страсти: пару часов назад в его квартире она и так кипела и била ключом. Он любил женщин, но все, что выходило за пределы романтических встреч, последние годы только утомляло. По этой причине он и не торопился искать себе подругу для постоянных отношений. Женщины, которые не могли посвятить ему все свое время, не требовали этого и от него. Его текущая пассия, например, была давно и прочно замужем, следовательно, никогда не оставалась до утра.

– Ты же говорила, что твой муж раньше часа ночи домой не приходит, – напомнил он, просто чтобы поддержать разговор. – И что ему давно наплевать на то, где ты и с кем.

– Ему – да, – фыркнула женщина, – а вот моей маме – нет. Наверняка стоит у окна, поджидая меня и заранее готовя претензии. Не стоит давать ей лишний повод. Будет доставать меня тем, что я подаю дурной пример сестренке.

– Так у вас там полно гостей, – мужчина рассмеялся. – Тогда не смею тебя больше задерживать, разве что… – он не договорил, вместо этого еще раз прижался к ее губам в таком же ни на что не претендующем поцелуе, как до этого она. – Позвони мне потом, – проникновенным тоном добавил он, отстранившись. – Или напиши.

– Договорились, – женщина улыбнулась и открыла дверь машины. – Пока!

Оказавшись на тротуаре, она помахала ему рукой на прощание и быстро направилась в сторону арки, которую они недавно проехали. Мужчина какое-то время следил за ее отражением в зеркале заднего вида. Его машина продолжала стоять на парковке и тогда, когда женщина исчезла из вида.

В подворотне всегда царила темнота. Сколько раз ни пытались вешать тут лампы, кто-то их постоянно разбивал. На мгновение женщина даже испуганно замерла. Ей показалось, что в паре шагов от нее что-то шевелится, но сколько бы она ни присматривалась и ни прислушивалась, ей так ничего и не удалось обнаружить. Женщина одернула себя и двинулась дальше, к спасительному, хоть и тусклому свету единственного фонаря во дворе. Тонкие каблуки высоких сапог, плотно облегающих полноватые икры, стучали оглушительно громко, отражаясь эхом от стен.

Когда подворотня осталась позади, женщина облегченно выдохнула, мысленно отругав себя за чрезмерную нервозность. Краем уха она недавно слышала, что в Санкт-Петербурге убили женщину, возвращавшуюся ночью домой. Кажется, это даже случилось на Васильевском острове. Должно быть, эта новость засела в ее подсознании, заставляя бояться собственной тени.

Большинство людей искренне верят, что все плохое, происходящее с другими, никогда их не коснется. И большинство несчастий случается с ними не тогда, когда они чуют неладное, собираются и мобилизуют все свои силы и внимание. Они случаются тогда, когда, почувствовав себя в безопасности, человек расслабляется.

Эта мысль успела промелькнуть в ее голове в тот момент, когда успокоившееся сердце вдруг вновь болезненно екнуло, а за спиной послышались чьи-то шаги. Однако ни обернуться, ни как-то среагировать она уже не успела.

Чья-то рука внезапно зажала ей рот, острое лезвие полоснуло по горлу. Женщина не успела ни испугаться, ни понять, что именно произошло. Просто в какой-то момент спасительный тусклый фонарь для нее внезапно погас.

Когда одетый в черное мужчина вышел из подворотни под освещение почти пустой линии, припарковавшийся у тротуара черный KIA Sorento все еще стоял на своем месте.

Глава 1

Июнь 2014 года

– Ты просто обязана поехать со мной, Нелл!

– И тебе привет. Все купила?

Инна Кленина продемонстрировала подруге объемный пакет из магазина, в котором виднелись свежие овощи и фрукты и даже небольшой кусок охлажденного лосося. Все остальное Нелл покупала сама, раз в месяц выбираясь ночью в круглосуточный гипермаркет и основательно запасаясь продуктами, которые могли лежать долго. Овощи, фрукты и охлажденную рыбу она тоже покупала, но их хватало не больше, чем на неделю. В остальное время у нее действовал уговор с Инной: она приносит определенный набор продуктов при каждом своем визите вместо пошлых тортиков, конфет и алкоголя, который Нелл все равно не употребляла уже несколько лет.

– Почта?

Инна закатила глаза и подняла другую руку, продемонстрировав несколько конвертов.

– Честное слово, уж до почтового ящика в подъезде ты вполне могла бы дойти, – фыркнула она, наконец проходя в маленькую квартиру-студию. Пакет и конверты она положила на кухонную стойку, а сама плюхнулась на диван, не

забыв страдальчески вздохнуть.

– Я и до магазина могу дойти, – невозмутимо парировала Нелл, начиная раскладывать продукты по местам. И без того немного сутулая, она совсем горбилась, наклоняясь к нижним полкам холодильника. Инна в который раз подумала, что подруге следовало бы больше двигаться, а не проводить все свое время за компьютером. О том, что именно этим она и занималась перед ее приходом, говорили и взъерошенные каштановые волосы, и покрасневшие глаза. Нелл всегда сидела слишком близко к экрану и имела привычку подпирать голову рукой, от чего короткие волосы застывали в самом невероятном виде. – Мне просто не хочется, да и зачем, если ты все равно придешь.

– Ты чудная, – в который раз констатировала Инна.

– Я знаю, – отозвалась Нелл, заканчивая с продуктами и переходя к почте. Усевшись на высокий барный стул за стойкой, она принялась перебирать конверты. – В этом моя единственная прелесть. Ты кофе будешь?

– Не хочу я кофе! Мне надо ехать на дачу, и ты должна поехать со мной.

– Я и забитые пробками предпраздничные дороги? – Нелл изобразила тяжелые раздумья, а потом интенсивно помотала головой. – Нет, вряд ли. Да и работать мне надо. Волка ноги кормят, а меня – тексты и макеты, – она кивнула на ноутбук, стоявший на маленьком столике в углу. – Так что пока вся страна жарит шашлыки и заливается водкой, отмечая никому не понятный праздник, я буду работать, потому что иначе мне за эти дни никакой добрый дядя не заплатит. К тому же ни мясо, ни водку я больше не употребляю.

– Я тебя и не на пикник зову, – с едва заметной желчью в тоне ответила Инна, а потом совсем сникла. – Степкино завещание читать собрались. Его нотариус говорит, что он распорядился прочитать его всей семье на даче. Как-то это жутко, не находишь? Ему же даже тридцати не было. Кто в таком возрасте пишет завещание? Вот у тебя есть завещание? – Инна пытливо посмотрела на подругу.

Та смутилась. Насколько вообще Нелл умела смущаться и насколько ее невыразительное лицо, редко демонстрирующее эмоции без сознательного усилия со стороны своей хозяйки, было готово показать это чувство. Она совсем

забыла, что у Инны недавно погиб брат, хотя месяц назад даже выбиралась на его похороны. Такова была странная природа Нелл: детали окружающего мира часто ускользали от ее внимания, события быстро исчезали из памяти. Может быть, проблема была в том, что с каждым годом она все больше отгораживалась от мира реального, превращаясь в затворницу, и все больше погружалась в мир виртуальный, где были ее работа, хобби и львиная доля общения с людьми. В результате мир реальный стал для нее чем-то вроде бесконечного скучного сериала, который она как будто смотрела много лет по инерции. Совсем бросить не получалось, но какие-то эпизоды вполне можно было пропустить, а запоминать детали и вовсе не требовалось.

– У меня нечего и некому завещать, – ответила она, покривив душой. Квартира, в которой она жила, находилась у нее в собственности, а где-то в мире обитали какие-то родственники, но Нелл было наплевать, кто из них получит то, что останется после нее.

Она снова перевела взгляд на конверты, используя их как повод не смотреть подруге в глаза. Однако уже мгновение спустя почта стала ее настоящим приоритетом. Внимание привлек последний конверт в стопке, чуть было не затерявшийся среди счетов и рекламных рассылок. Выглядел он странно: ни марок, ни адреса – его явно бросили прямо в ящик, не утруждая Почту России лишней работой. На чисто-белой поверхности кто-то написал всего одно слово: «Нелл».

Четыре буквы имени почему-то заставили ее поежиться от неприятного холодка, пробежавшего по спине. Дело в том, что на самом деле ее звали Ольгой. Имя Нелл она много лет использовала в качестве никнейма в Интернете. Те, кто знали этот ник, не знали ее реального адреса. Те, кто знали реальный адрес, не знали ее как Нелл. Те немногие, кто знал и то, и другое, никогда не писали ей письма.

Она покрутила конверт в руках, смутно осознавая, что Инна продолжает уговаривать ее поехать с ней на дачу. Не найдя на конверте больше ничего примечательного, Нелл неаккуратно вскрыла его, торопясь посмотреть на содержимое.

Из конверта выпала карта. По крайней мере, Нелл решила, что это карта, но не игральная, а какая-то ролевая или вообще таро – она совершенно не разбиралась в таких вещах. Почему-то в сочетании с адресованным ей

конвертом карта выглядела особенно пугающе.

– Ты меня вообще слушаешь? – горестно вопросила Инна, наконец прорвавшись сквозь «купол», которым Нелл накрывало каждый раз, когда она теряла интерес к происходящему вокруг и сосредотачивалась на чем-то своем.

– Слушаю, – соврала та, поспешно убирая карту обратно в конверт и пряча всю пришедшую почту в выдвижной ящик стоящего рядом шкафа. – Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой в качестве моральной поддержки. Но я не могу, мне надо работать.

– Ты можешь взять ноутбук с собой, воспользоваться мобильным интернетом, если надо что-то отправить. Ты даже сможешь работать в дороге, пока я буду везти нас по пробкам.

– Ты знаешь, что я не люблю смотреть в монитор в транспорте: меня укачивает.

– Нелл, – Инна выпрямилась на диване и посмотрела на подругу уже по-настоящему серьезно. – Пожалуйста.

Нелл тяжело вздохнула. Она терпеть не могла куда-то ехать или идти, спать не в своей постели, пить не свой кофе, общаться с большим количеством людей, тем более семейка Инны никогда не вызывала у нее восторга. Но Инна была ее подругой. Ее последней подругой в реальном мире, которая редко просила ее о чем-то, зато для нее всегда делала что угодно. Не то чтобы Нелл сама часто о чем-то просила, кроме покупок, но все равно это заставляло ее чувствовать себя обязанной.

– Ладно, – она вздохнула, соскальзывая с барного стула. – Сейчас соберу вещи.

– Ты чудо, – обрадовалась Инна.

– Я знаю.

* * *

Смартфон вновь ожил и завибрировал. Повилас бросил быстрый взгляд на номер, высветившийся на экране, и снова повернулся к монитору ноутбука. Смартфон продолжал надрываться, с пронзительным жужжанием медленно ползая по столу. Через некоторое время он затих, с молчаливым укором сообщая на экране, что у его владельца уже пятнадцать пропущенных вызовов.

Повилас тяжело вздохнул и попытался сосредоточиться на работе, но его снова отвлекли: после короткого формального стука дверь приоткрылась, и в нее заглянула его личный помощник Наташа.

– Можно? – спросила она с вежливой полуулыбкой.

– Да, конечно.

Наташа вошла, неся в руках небольшой поднос с чашкой чая, парой шоколадных конфет на блюдце и двумя продолговатыми конвертами. Письма она определила в лоток, стоявший на краю просторного письменного стола, а чашку и конфеты поставила поближе к шефу, забрав грязную посуду из-под утреннего кофе и фантики от предыдущей порции шоколада.

– Игорь Петрович просил перенести вашу сегодняшнюю встречу на понедельник, – сообщила она между делом. – Сказал, что возникли какие-то вопросы с банком. Ему пришлось поехать их решать, поскольку второй бухгалтер сейчас в отпуске.

– Угу, – пробормотал Повилас, делая вид, что полностью сосредоточен на содержимом монитора. – Я почти в это поверил. Опять он не подготовил отчет вовремя. Что-нибудь еще?

– Ваша жена звонила. Восемь раз…

Повилас раздраженно стукнул мышкой по столу, откинулся на спинку кресла, перестав делать вид, что очень занят, и гневно посмотрел на помощницу. Обычно светло-зеленые глаза потемнели, а тонкие губы скривились.

– Какая жена? Какая жена, Таша? Сколько можно повторять: я не женат! Я не женат уже целых полгода, давно пора привыкнуть к этому и называть Вику так,

как теперь ее положено называть: моей бывшей женой! – скороговоркой выпалил он.

Как и всегда в моменты нервного напряжения, его акцент, от которого он так и не смог полностью избавиться, стал более заметным. Таше нравился этот акцент, о чем Повилас случайно узнал еще год назад, но ей совершенно не нравилось, когда он начинал злиться. Поэтому она виновато потупила взгляд и поспешно поправилась:

– Ваша бывшая жена звонила восемь раз и просила, чтобы вы либо ответили на ее звонки, либо перезвонили сами.

– Скажите ей, пусть идет на…

Наташа чуть не выронила поднос от удивления, и ее можно было понять. Она работала на Повиласа уже три года и ни разу не слышала от него таких слов. Да он их и не говорил. Будучи литовцем по происхождению, он высокомерно презирал три вещи: русский матерный, пьянство и политическое руководство страны, в которой жил последние десять лет. Однако тяжелый развод с красавицей женой, которую он обожал, примирил его как минимум с первым. Обещал он примирить его и со вторым.

– Я… да, хорошо… как скажете. Туда так туда, – пробормотала Таша, направляясь к двери.

Повилас проводил ее хмурым взглядом. Стоило двери кабинета закрыться, как он тихо застонал и уронил голову на руки, закрывая глаза и запуская пальцы в чрезмерно отросшие светлые волосы. Никто в фирме даже не подозревал, как тяжело дался ему развод.

С Викой Клениной он познакомился семь лет назад на какой-то вечеринке у общих друзей. Она показалась ему милой, искренней и доброй, не говоря уже о том, что она была самой красивой, грациозной, элегантной и сексуальной женщиной, которую ему доводилось встречать. С первого же вечера Повилас понял, что влюбился. После этого уже ничто не могло его остановить, даже обручальное кольцо на ее безымянном пальце. Два года спустя они поженились, и были счастливы ровно до тех пор, пока не грянул очередной экономический кризис. По крайней мере, сам Повилас продолжал себя в этом убеждать, хотя

причиной расставания с Викой вполне могло стать совсем другое обстоятельство, о котором он старался не думать.

Противный сигнал коммуникатора отвлек его от воспоминаний.

– Да, Таша? – отозвался он, нажав на кнопку.

– Вам звонит Артем Носков, нотариус, – сообщил искаженный аппаратурой голос помощницы.

– Не знаю такого.

– Говорит, что он поверенный Степана Кленина.

На этот раз Повилас выругался про себя, не разжимая губ. За каким дьяволом он мог понадобиться младшему брату Вики?

– Хорошо, соедините меня с ним, – он выпрямился в кресле, дождался звонка телефона и снял трубку. – Слушаю вас.

– Господин Варнас? – раздался на другом конце мужской голос, преисполненный чувством собственной важности. Услышав этот голос, Повилас сразу представил себе молодого хлыща в дорогом костюме и строгом узком галстуке с прилизанными волосами и в очках с тонкой оправой. – Меня зовут Артем Носков, я поверенный Степана Кленина.

– Очень приятно, – не слишком искренне процедил Повилас. – Чем я могу быть полезен Степану?

В трубке воцарилось неловкое молчание.

– Так вы не знаете, – немного смущенно проговорил Носков. – Господин Кленин погиб два месяца назад. Я звоню, потому что сегодня должно состояться оглашение завещания, а поскольку вы в нем указаны, вам нужно приехать.

Повилас все еще пребывал в легком шоке от известия о гибели Степана, поэтому не сразу понял, что от него хотят. Но когда смысл слов дошел до него, он

удивился еще больше.

– Степан указал меня в завещании?

Потом он сообразил, что завещание свое Степан, скорее всего, составил до того, как они с Викой развелись, и просто не успел его переделать. Если задуматься, то сам факт того, что парень, которому не было еще и тридцати, имел завещание, выглядел странным. Хотя Степан всегда был странным.

– Да, указаны вы и еще шесть человек.

Повилас мысленно прикинул, но смог насчитать только пятерых. У Степана и Вики имелись старшие брат и сестра. Брат был женат и у него рос сын. Кто мог стать шестым?

– Хорошо, куда надо подъехать? – он достал ручку и приготовился записывать адрес, но когда нотариус сообщил ему, где будет зачитано завещание, он замер.

– Все собираются сегодня на даче Клениных. Вы знаете, где это?

– Конечно, я много раз там был, – пробормотал Повилас, лихорадочно соображая, что делать. Дача, загородный дом, почти тридцать километров от КАДа, там будет Вика и вся ее семья. И он. Повилас не был к такому готов, он просто не мог себе такого позволить. – Но почему там? Это же… далеко и неудобно.

– Такова воля покойного, – торжественно сообщил Носков. – Ваша жена сказала, что два дня пыталась дозвониться вам и сообщить об этом.

– Бывшая, – с тихим бешенством прошипел Повилас. – Она моя бывшая жена.

– Да, конечно, простите, – все тем же равнодушным официальным тоном согласился Носков.

– А если я не хочу тащиться на эту дачу сегодня?

– Конечно, никто не будет вас заставлять. Вы потом получите письменное уведомление о том, каким именно образом вы были упомянуты в завещании.

Полагаю, учитывая ваши изменившиеся отношения с семьей Клениных, вы не обязаны уважать волю покойного.

Повилас почувствовал себя так, как будто ему дали пощечину, хотя нотариус сказал абсолютную правду. Учитывая то, как они расстались с Викой, он ничего не был должен ни ей, ни тем более ее братьям. К сожалению, Повиласа воспитали католиком, его учили уважать умерших. И стараться выполнять их волю.

– Когда я должен там быть? – обреченно спросил он, с тоской глядя на часы. Те показывали начало третьего.

– Чтение назначено на семь вечера. Если все члены семьи успеют собраться к тому времени.

– Хорошо, я буду.

– Спасибо, господин Варнас. До встречи.

– До свидания, господин Носков.

Повилас повесил трубку и нервно побарабанил пальцами по столу. Глупо получилось. Теперь придется ехать, хоть и не хочется встречаться с Викой один на один. Пусть даже там будут другие люди, но все они ее родственники, и едва ли придут ему на помощь в нужный момент. Какой именно это может быть момент, он плохо себе представлял.

– Повилас? – дверь вновь приоткрылась, и в кабинет заглянула Таша. Убедившись, что после разговора по телефону он не занялся какими-то важными делами, она вошла, неся в руках несколько документов и блокнот. – Олег принес эти договоры, сказал, что с юридической точки зрения здесь все чисто, но у него есть некоторые возражения по формулировкам ряда пунктов, – она положила два прозрачных файла с бумагами перед Повиласом. – Он там все места отметил и заложил «флажками», просил вас посмотреть. Еще звонил Журавлев, просил напомнить, что вы обещали посмотреть коммерческие предложения рекламных агентств, которые он отобрал, а Лида принесла это, – она помахала в воздухе флешкой. – Это презентация, которую вы просили ее подготовить для встречи в понедельник… – она осеклась, заметив, что он как-то странно на нее смотрит. А

он даже не слышал ничего из того, что она ему сказала. – Что?

– Таша, – медленно произнес Повилас, давая себе пару лишних секунд на принятие решения, но потом уверенно продолжил: – Будьте добры, соберите договоры, коммерческие предложения и эту презентацию, а также свои вещи. В семь вечера мне нужно присутствовать на чтении завещания. Вы поедете со мной.

– Хорошо, – если помощница и удивилась подобному повороту событий, то никоим образом не показала этого. Как и собственного недовольства необходимостью срываться куда-то во второй половине рабочего дня в среду накануне длинных выходных по случаю Дня России. Она лишь уточнила: – Мы едем прямо сейчас? Или вы сначала пообедаете?

– Нет, выезжаем через десять минут, – решительно сказал Повилас, переводя ноутбук в спящий режим и доставая сумку для него. – Это в области, так что чем раньше выдвинемся, тем больше у нас шансов добраться вовремя, пока не начались пробки. Вы зайдите в кафе на первом этаже и купите сэндвичей, кофе и еще что-нибудь, если захотите. На двоих. Мне как обычно. Хорошо? Через десять минут жду вас на парковке. В офис мы уже не вернемся, конечно, но обещаю потом доставить вас домой. Идет?

– Да, конечно, – она улыбнулась и, убедившись, что у него больше нет поручений, вышла из кабинета.

Оставшись один, Повилас тихонько застонал и снова схватился за голову.

– Малодушная ты скотина, Варнас, вот ты кто, – сказал он себе.

* * *

– Ну, па-а-ап! – в голосе Эдика причудливо перемешались нотки раздражения, возмущения и мольбы.

Настя Кленина, собиравшая вещи в поездку, поймала взгляд мужа и с трудом сдержала улыбку. Этот детский аргумент в сочетании с насупленным видом катастрофически диссонировал с исходным тезисом их сына о том, что он уже

достаточно взрослый и имеет право ночевать в выходные на даче в одной комнате со своей девушкой, которую он пригласил поехать с ними, и спать с ней в одной постели.

– Нет, – спокойно повторил Кирилл Кленин, как и полчаса назад, когда Эдик пришел к нему с этим разговором в первый раз. – Хватит и того, что ты пригласил свою девушку, не посоветовавшись ни со мной, ни с мамой.

– А что такого? В доме полно места, и если уж я вынужден торчать там с вами все выходные, то у меня должна быть хотя бы приятная компания.

На протяжении всего однообразного спора восемнадцатилетний субтильный Эдуард подпирал спиной стенку, засунув руки в карманы джинсов и, надувшись, сверлил отца взглядом обиженного пятилетки. Кирилл занимался своими делами, помогая Насте, которая сочетала сбор вещей с уборкой в комнате. Она никогда не умела делать только одно дело, предпочитая заниматься сразу несколькими параллельно.

– Ну, почему? – в который раз капризно вопросил Эдик, хотя Кирилл уже привел все свои доводы. Дважды. Было похоже, что сын пытается взять отца измором в надежде, что тому рано или поздно надоест спорить и он разрешит Алисе, его последней пассии, поселиться с ним в одной спальне.

Однако хотя Кирилл и производил на всех впечатление очень мягкого и неконфликтного человека, переубедить его в чем-то удавалось далеко не каждому. В некоторых же вопросах спорить с ним было и вовсе бесполезно. Он редко повышал голос и никогда не превращал спор в базарную ругань, но, исчерпав все доступные ему аргументы, начинал невозмутимо перечислять их сначала. Так могло продолжаться до бесконечности, поэтому обычно первым ломался оппонент.

– Я не вижу ни одной причины, по которой она должна ночевать с тобой, – ответил Кирилл чуть громче, чем в первые два раза, когда он произносил эту фразу, но исключительно потому, что находился в настоящий момент в ванной комнате. – Насть, у меня закончился гель для бритья, – добавил он, чем вызвал недовольное фырканье сына. Тому не нравилось, что его исключительно важную проблему обсуждают тем же тоном, что и отсутствие геля для бритья.

– Можем заехать по дороге на дачу в магазин, – отозвалась Настя.

– Нет, мы и так едем позже, чем следовало бы, – Кирилл вернулся в комнату и задумчиво посмотрел на шкафы. – К назначенному времени никак не успеем, остальным придется нас ждать. Если еще и в магазин поедем, вообще доберемся только к ночи. Неудобно.

– Если хочешь, могу пока поделиться с тобой своей пеной, – предложила Настя, игнорируя страдальческое выражение лица Эдика. – Уверена, она ничем не отличается от мужской пены для бритья.

– Мама! – возмутился Эдик.

– Лучше я электрической бритвой пока попользуюсь. Не помнишь, где она? И есть ли у нас где-нибудь запасные батарейки? Подозреваю, что те, которые в ней, давно сели.

– Насчет батареек не уверена, но, кажется, у нее был провод для розетки.

– И где же он был?

– Скорее всего, там же, где и сама бритва. Посмотри в нижнем ящике комода.

– Эй, родители! – прикрикнул Эдик. – Я вообще-то еще здесь.

– Кстати, а почему ты еще здесь? – невозмутимо поинтересовался Кирилл, выглядывая из ванной. – Мы разве не все обсудили? И кто за тебя, взрослого и самостоятельного, будет собирать вещи? Мама?

– Я уже собрался! И нет, мы не все обсудили, – с поистине ослиным упрямством возразил Эдик. Хотя внешне он совсем не походил на отца, но какие-то черты характера – как минимум, упрямство – от него унаследовал.

– Хорошо, – Кирилл скрестил руки на груди и прислонился плечом к дверному косяку. – Так почему вы должны ночевать в одной комнате? Она тебе не жена.

– Она мне моя девушка!

– Вы встречаетесь всего два месяца.

– Мы встречаемся целых два месяца! – Эдик презрительно скривился. – Ты с какой планеты, пап? Или из какого века? Я, между прочим, уже взрослый. Совершеннолетний. Могу тебя вообще не спрашивать.

– Но ты спрашиваешь, – резонно заметил Кирилл. – И пока ты находишься в моем доме, ты будешь вести себя по моим правилам. В остальное время поступай так, как тебе совесть велит.

– Совесть, – передразнил Эдик. – Ты еще скажи, что мы вообще до свадьбы спать друг с другом не должны.

– В идеале было бы неплохо, – Кирилл усмехнулся. – Но я, конечно, понимаю, что мир не идеален.

– Да уж не сомневаюсь, – ядовито прокомментировал Эдик. – Не зря же вы с мамой поженились в июле, а я родился в ноябре.

Фотография в рамке, стоявшая на стеллаже, с громким стуком свалилась на пол, раздался звук бьющегося стекла. Настя, как раз протиравшая пыль, даже не сразу поняла, что это она смахнула рамку неосторожным движением. Эдик удивленно посмотрел в ее сторону, но Кирилл успел первым: он заметил испуганное выражение в глазах жены и поспешил встать между ней и сыном, чтобы тот не увидел ее лица.

– Не поранилась? – участливо спросил он, хотя Настя даже не сделала попытки прикоснуться к осколкам.

Вопрос Кирилла вывел ее из ступора. Она присела на корточки и начала суетливо собирать осколки.

– Нет, все в порядке, – пробормотала она в ответ. – Просто в облаках надо меньше летать.

– Ну почему же, – Кирилл тепло улыбнулся и незаметно погладил по руке. – Иногда можно и полетать. Новую рамку купить несложно.

Настя ничего не успела ответить: раздался звонок в дверь, сообщая о том, что приехала девушка Алиса, из-за которой Эдик ныл уже добрых полчаса. Это означало, что действительно пора поторопиться с вещами. А заодно и то, что концерт Эдика окончен, поскольку при своей пассии он ныть и канючить точно не станет. Вместо этого он пошел открывать дверь и изображать из себя мачо.

– Оставь, я все уберу, – заверил жену Кирилл. – Лучше найди мою бритву и заканчивай с вещами, хорошо?

Настя кивнула, благодарно чмокнул мужа в щеку и пошла рыться в комоде.

* * *

Виктория Кленина застегнула маленький замочек второй сережки и выпрямилась перед зеркалом в полный рост, машинально поправив лежащие идеальными локонами волосы цвета «платиновый блондин» и длиной до лопаток. В свои неполные тридцать пять она выглядела моложавой, упругой и подтянутой, что не всегда удавалось и более молодым женщинам. Виктория считала это одним из своих главных достижений, поскольку именно оно позволяло ей до сих пор оставаться конкурентоспособной на рынке невест. Каждый ее новый муж был лучше предыдущего, поэтому вереницу браков вполне можно было сравнивать с продвижением по карьерной лестнице.

Первым мужем стал преподаватель университета, благодаря роману с которым ей удалось, особенно не напрягаясь, получить красный диплом, поступить в аспирантуру и стать кандидатом технических наук на радость папе, в связи с чем тот никогда не скупился ей на подарки и поездки. С другими своими детьми он не был так щедр, но Виктория считала, что те сами виноваты: постоянно расстраивали состоятельного и относительно влиятельного отца. Конечно, тот не очень обрадовался, когда она собралась замуж за мужчину на десять лет старше, но Сергей умел располагать к себе людей, и отец быстро смирился.

Второй муж позволил ей перейти из разряда просто хорошо устроившихся женщин при непыльной работе и надежном спутнике жизни в разряд по-настоящему удачливых. С ним ей не приходилось даже изображать трудовую деятельность, а полностью перейти на содержание и заниматься только своим внешним видом, общением с друзьями и прочими доставляющими удовольствие

вещами. К тому же она перестала зависеть от щедрости отца, который сильно разочаровался в ней после развода с Сергеем и ухода с работы. Разводиться с Повиласом она не собиралась, однако обстоятельства сложились так, что другого выхода у нее не осталось. Единственное, что примиряло ее с таким исходом, – это вынужденная щедрость ее второго мужа при разводе.

В конце концов, все оказалось к лучшему. Не прошло и полгода, как она вновь собралась связать себя узами законного брака. Ее избранник превосходил обоих бывших мужей на порядок. Грядущее замужество давало ей возможность перейти из разряда удачливых женщин в разряд светских львиц, и Виктория считала, что во всех смыслах готова к такому переходу. Поэтому гибель младшего брата едва ли могла ее огорчить. Только разозлить.

Степан был младше нее на семь лет, при этом приходился братом только на половину, поскольку родился у какой-то побочной женщины отца. Он появился в их семье уже пятилетним, когда та женщина внезапно умерла, и ни с кем из старших братьев и сестер никогда не был особенно близок. Кирилл, как самый старший и ответственный, пытался вести себя с ним по-братски, но Степан, как казалось Вике, никогда этого не ценил. Он всегда вел себя как бунтарь, стараясь привлекать как можно больше внимания и создавая другим как можно больше проблем. После смерти их общего отца два года назад и вовсе пошел в разнос. И вот в итоге отдал концы при очень странных обстоятельствах, а ее жених почему-то решил, что это повод отложить свадьбу на полгода. Он называл это пристойным временем для траура, а Вика считала бесконечной глупостью.

Новость о том, что непутевый брат еще и завещание успел оставить, ради чтения которого всю семью собирали в загородном доме, и вовсе казалась Вике каким-то издевательством. Ее брат не имел ничего, кроме долгов и проблем, что он мог завещать? Как вообще человек, живший столь бестолковой жизнью, мог подумать о завещании?

Вместе с тем новость ее напугала. Со Степана сталось бы подложить им всем свинью в последний момент. Иногда тайны не удавалось скрыть от членов семьи, как ни пытайся. Вика обязана была первой узнать содержание завещания, хотя если Степан решил в нем проболтаться, ущерба избежать уже не получится.

Надев одно из своих самых удачных платьев, она спустилась со второго этажа в каминный зал, где приехавший с нею нотариус что-то увлеченно делал на

планшете. Она вызвалась привезти его сюда, надеясь выведать что-то о завещании по пути, но нотариус оказался крепким орешком, свято верящим в тайну отношений с клиентом. «Покойный распорядился зачитать завещание всем одновременно, никому ничего не говорить заранее», – с важным видом заявил он. Однако Вика собиралась предпринять еще как минимум одну попытку.

– Может быть, пока мы ждем, выпьем вина, господин Носков? – елейным тоном предложила она, идя от лестницы к дивану нарочито медленно, плавно покачивая бедрами и давая ему время вдоволь налюбоваться стройными ногами.

– Я бы, конечно, хотел, но до чтения завещания я на работе, – наглец, которому не было, наверное, еще и тридцати, отрицательно покачал головой, не отказывая, впрочем, себе в удовольствие слегка раздеть ее взглядом.

– Зря, – Вика обворожительно улыбнулась ему. – У моего брата – старшего брата – весьма неплохая коллекция вин. Как и коллекция коньяков, но это в основном подарки.

Она остановилась перед винным шкафом размером с большой холодильник, стоявшим у стены, выбрала выдержанное красное французского производства и подошла с ним к Носкову.

– Тогда откройте даме бутылку. Штопор должен лежать на камине.

Поднимаясь, Артем Носков был вынужден слегка задеть ее, ведь Вика специально встала так, чтобы их тела соприкоснулись. Однако на молодого наглеца и это не возымело действия. Он извинился, сходил за штопором, открыл вино, налил немного в принесенный ею из кухни бокал и снова отказался от очередного предложения присоединиться. Стоит ли упоминать, что на попытку опять завести разговор о завещании, он прореагировал почти дословно так же, как и в машине?

Это разозлило Вику. Мужчины редко могли устоять перед ее шармом. Быть может, на героизм или преступление она вдохновить никого и не смогла бы, но на небольшое отступление от рабочей инструкции – запросто. То, что это не срабатывало с Носковым, казалось ей даже подозрительным. Может быть, этот чистоплюй просто гей?

Выяснить это Виктории Клениной уже не удалось, поскольку ее уединение с нотариусом нарушило появление ее сестры Инны, которая, как обычно, притащила с собой подругу. Игра в дознавателя закончилась полным поражением Вики, и это не сулило ничего хорошего.

* * *

За годы работы следователь Владимир Петрович Дементьев повидал многое, но каждый раз его профессия находила, чем удивить. Вот и сейчас он мрачно смотрел на фотографии и стикеры с подписями, расклеенные на торце шкафа, стоявшего рядом с его рабочим столом, постукивал пальцами по столешнице и кусал нижнюю губу, как делал только в минуты особенно глубокой задумчивости.

– Медитируете? – тихо спросил лейтенант Серегин, недавно подселенный к нему в кабинет.

Начальство велело поднатаскать молодого сотрудника: брать его с собой на некоторые мероприятия и давать вести несложные дела, ненавязчиво курируя их. В небольшом кабинете следователя разгуляться оказалось сложно, поэтому второй стол пришлось поставить вплотную к первому, что Дементьева несколько раздражало. Серегин имел привычку заглядывать в экран его монитора, да и до чайника теперь было не дотянуться, приходилось вставать. Хорошо хоть он быстро отучил его по утрам обливаться туалетной водой, как девица на выданье. Сидеть в облаке удушающего аромата оказалось выше его сил. На следующий день Серегин пришел на работу не только без сладковатого шлейфа, но и в совершенно другой, гораздо более подходящей их работе одежде. Видимо, решил брать пример со своего наставника, предпочитающего хоть и удобные, но темные немаркие джинсы и такие же свитера.

– Я думаю, – поправил его Дементьев, едва заметно поморщившись. Он не любил, когда его отвлекали в такой момент. Не то чтобы он действительно сейчас крутил в голове какую-то дельную мысль, скорее просто перетасовывал факты, надеясь поймать за хвост какую-нибудь догадку. – В нашей работе это нужно уметь.

– А что это за люди? – Серегин кивнул на фотографии, которые гипнотизировал взглядом Дементьев.

Лейтенанта Павла Серегина прислали ему «на обучение» всего дней десять назад, когда дело, над которым сейчас думал Дементьев, уже было отнесено к разряду «остывших», и по нему прекратились активные следственные действия. Следователь с сомнением посмотрел на молодого коллегу, но потом решил, что проговорить еще раз все вслух будет не лишним, может быть, свежий молодой взгляд заметит какую-то нестыковку.

– Так, иди сюда, – велел он, подзывая лейтенанта к себе и освобождая ему кресло. – Садись и смотри. – Он взял карандаш, подошел к шкафу и начал говорить, показывая на фотографии и стикеры, словно учитель, объясняющий урок. – Вот, десятого апреля в заливе на берег выбросило труп мужчины. Причем утонул он, по мнению наших экспертов, не менее чем за сутки до этого. По некоторым признакам было определено насильственное утопление, и дело из несчастного случая превратилось в убийство. Мужчину позднее опознали как Степана Кленина. Буквально в тот же день соседи одной многоэтажки пожаловались на неприятный запах, который донимал их уже какое-то время. Приехавший хозяин открыл ее и обнаружил труп своего квартиранта. Кстати, можно сказать, нашего коллегу, молодого участкового, примерно твоего возраста. Он был убит в ночь на седьмое апреля. Прежде, чем мы успели выяснить, что эти двое были знакомы, обнаружился еще один труп, на этот раз женский. Он лежал тоже с седьмого числа в одном из этих заброшенный зданий, которые слишком старые и для того, чтобы их использовать, и для того, чтобы их сносить. Девушка, кстати, была почти ровесницей двух других трупов…

– Постойте, – перебил Серегин. – Вы хотите сказать, что все эти три убийства связаны?

– Не три, – Дементьев мрачно покачал головой и провел в воздухе кончиком карандаша невидимый круг, захватив в него все фотографии, висевшие на торце шкафа. – Всего погибло шесть человек. В том числе и убийца, которого мы нашли повесившимся в собственной квартире десятого вечером. Еще один молодой парень до тридцати, Игорь Мартынов. Оставил лаконичную записку: «Я убил их всех и не смогу с этим жить. Это отвратительная игра».

– Игра?

– Вот именно. Не знаю, что именно у него там в мозгах заклинило. Парень, по нашим сведениям, был геймером, но вроде рубился во что-то про магов и эльфов, а не про Фредди Крюгера. Но не это самое интересное.

– А что? – Серегин спросил это с придыханием, зачарованно слушая Дементьева, словно тот рассказывал ему увлекательную сказку, а самому Серегину было лет пять.

Дементьев криво усмехнулся, заметив это.

– Убийства начались в ночь на седьмое апреля, а закончились вечером девятого самоубийством убийцы. Седьмого погибли двое, восьмого один человек, а девятого трое, включая убийцу. Двое погибли ночью, трое днем, сам убийца – вечером. Но и это еще не все. В ночь на седьмое первая жертва сама впустила к себе убийцу. На столе в кухне были найдены початая бутылка коньяка и три стопки. Генетический материал на одной стопке принадлежал убитому участковому, на другой – Мартынову, а на третьей – неизвестному.

Дементьев сделал паузу, давая Серегину осознать услышанное. Когда у того в глазах отразилось понимание, он удовлетворенно хмыкнул: парень соображал достаточно быстро.

– Убийц было двое?

– Вероятно. Либо второй – безмолвный свидетель, который пока так и не проявился. Кто убил Кленина, мы можем только предполагать, вода уничтожила все возможные улики. Там и тело-то в ужасном состоянии пребывало, бедный брат, которого вызвали на опознание. Зато генетические образцы остались на теле девушки, которая погибла между ними. Угадаешь, кому они принадлежали?

– Тому самоубийце?

Дементьев покачал головой с ехидной улыбкой, хотя у парня не было и полшанса угадать. Следователь ткнул кончиком карандаша в четвертую фотографию.

– Андрею Волкову, которого мы нашли предпоследним, но которого убили днем восьмого.

– То есть между девушкой и Клениным?

– Да.

– То есть Волков был тем самым вторым убийцей?

– Увы, нет, его ДНК не совпало с оставшимся на третьей рюмке. Но попробуй угадать, кто убил самого Волкова?

Серегин открыл рот, но так и не придумал, что сказать, поэтому громко выдохнул и пожал плечами.

– Кленин?

Дементьев, собиравшийся шокировать молодого коллегу, на мгновение даже замер, удивленно вздернув брови.

– Почему ты это предположил?

– Не знаю. Самоубийца, признавшийся во всех убийствах, слишком простой вариант, чтобы вы спрашивали об этом с таким пафосом, – Серегин улыбнулся. – Ну и Волков убил девушку, а его убила следующая жертва, в этом есть некая последовательность.

– Ты почти угадал, – удовлетворенно заметил Дементьев. – Скажем так, Кленин тоже участвовал в этом. А кроме него – самоубийца Мартынов.

– Опять вдвоем? – недоверчиво нахмурился лейтенант.

– Прикинь.

– А кто шестая жертва?

– Еще одна девушка, Ирина Машкова. Погибла девятого днем.

– А Кленин девятого ночью?

Дементьев кивнул. Он присел на краешек своего стола, чтобы снова видеть торец шкафа с фотографиями, и вздохнул.

– Формально, дело почти закрыто. К концу квартала сделают вывод о том, что всех убил Мартынов, а поскольку он мертв, то с него и взятки гладки.

– Но как же тот неизвестный? И почему некоторые жертвы убивали других или участвовали в убийствах? Чего ради вообще были все эти смерти?

С каждым вопросом парень нравился Дементьеву все больше. Станет толковым следователем, если не разочаруется в профессии и не уйдет в коммерческие структуры.

– Все, что мы знаем наверняка, – это то, что эти люди были знакомы и последний раз собирались вместе в выходные, пятого-шестого апреля. А потом вот… – он махнул рукой на шкаф.

– А почему вы вдруг подняли эти случаи? – прищурившись, поинтересовался лейтенант Серегин. – Ни разу у вас не видел такой… «доски» как в американских сериалах про копов.

– Потому что я сейчас еду на чтение завещания Степана Кленина, – Дементьев резким движением вернул карандаш в стакан с ручками, стоявший на столе. – По какой-то причине я приглашен туда.

– Вы были знакомы?

– Нет, но господин Кленин распорядился пригласить на чтение завещания «того, кто будет вести расследование его гибели».

У молодого лейтенанта челюсть буквально отвалилась от такого заявления. Дементьев удовлетворенно хмыкнул. Он любил удивлять молодняк.

– Ничего себе. А можно с вами?

– Еще чего! – это было уже слишком. – Один из нас должен остаться в лавке. Вот ты и останешься. И вообще, кыш с моего места.

Серегин что-то недовольно проворчал, вылезая из кресла, но за свой стол вернуться не торопился. Он остановился у шкафа, еще раз внимательно разглядывая фотографии и стикеры, краткие пометки на которых теперь стали для него осмысленной информацией.

Только когда Дементьев убрал все документы в сейф, а сам достал из шкафа ветровку, собираясь уходить, Серегин окликнул его:

– Владимир Петрович, а я знаю, в какую игру они играли.

– Неужели? – Дементьев обернулся к нему уже стоя у двери и держась за нее одной рукой. – В какую?

– Они играли в «Мафию».

Глава 2

Дача Клениных, по сути являвшаяся полноценным загородным домом, еще издалека произвела на Ташу неизгладимое впечатление. Раньше подобное она видела только в кино или рекламе строительных фирм, да и то далеко не всех. Может быть, пару раз проезжала мимо чего-то подобного, завистливо вздохнув. Она даже не сразу поняла, сколько в доме этажей – три или четыре, поскольку подъезжали они со стороны стены, полностью сделанной из стекла, и посчитать этажи по окнам никак не получалось. Таша моментально представила, сколько воздуха и света должно быть внутри при наличии подобного прозрачного фасада, после чего влюбилась в дом окончательно и бесповоротно, с грустью понимая, что ничего подобного ей в жизни не светит.

Хотя формально дом относился к дачному поселку, фактически он был построен довольно далеко от остальных домов, в лесу, поэтому со всех сторон его

окружали только высоченные сосны. Они тянулись вверх даже выше самого дома, этажей в котором оказалось все-таки три.

Когда они подъехали, двухметровый забор, окружавший дом, зиял провалом открытых ворот. По всей видимости, в доме ожидали большой наплыв гостей и открывать ворота каждому в отдельности хозяева ленились.

На покрытой уличной плиткой площадке перед домом стояло уже три машины. Повилас примостил свой Форд Мондео за каким-то крупным черным хищником рядом с довольно простым Фольксвагеном цвета спелой вишни. Заглушив мотор, он на какое-то время молча замер на своем месте, не торопясь выходить и ничего не говоря.

Таша терпеливо ждала, когда он очнется, и не собиралась его с этим торопить. Всю дорогу Повилас вел себя очень нервно. Когда они на добрых полчаса застряли в пробке на выезде из города, он заметно распсиховался, чего Таша не замечала за ним никогда раньше. Разве что в последние полгода он вел себя более нервно. Ей пришлось спокойно напомнить ему в ответ на его возмущение, что канун длинных выходных летом, даже при очень плохом прогнозе погоды, всегда означает пробки на выезде из города, причем в любое время суток.

– Ненавижу этот город, – обреченно пробормотал на это Повилас, откидываясь на спинку сидения и пытаясь взять себя в руки. – И страну эту тоже.

– Вы живете здесь уже десять лет, – как бы между делом заметила Таша, поглядывая в окно на соседние машины, хозяева которых относились к вынужденной задержке более спокойно: кто-то подпевал льющейся из динамиков песенке, кто-то непринужденно болтал со спутниками, парочка женщин припудривали лицо, глядя в зеркало заднего вида, а один мужчина жевал большой сэндвич, видимо, не успев перекусить после работы. – Пора уже или привыкнуть, или уехать.

– Может быть, скоро уеду, – задумчиво протянул Повилас, нервно постукивая пальцами по рулю. – Если дела и дальше будут идти так скверно, мне проще будет продать компанию, пока она еще чего-то стоит, и вернуться в Вильнюс. Там я смогу начать сначала.

– Все настолько плохо? – уточнила Таша, стараясь не выдавать истинной степени заинтересованности. Она, конечно, и сама знала, что кризис серьезно потрепал их фирму. Об этом говорил хотя бы тот факт, что из всего секретариата, ранее состоявшего из ассистента генерального директора и двух секретарей, осталась теперь только она, превратившись из младшего секретаря в личного помощника. И такое сокращение прошло по всем отделам: остались только те, кто был по-настоящему предан компании или ее владельцу, а также те, кому все равно некуда было идти. Или те, кто надеялся, пережив с компанией кризис, сделать быструю карьеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/obuhova_natal-ya/gorod-zasypaet

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить